

цахъ Кіевскаго періода. Для этого предмета особое значеніе имѣютъ его „Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ“. Они не только важны по ихъ реальнымъ выводамъ, но и характерны по самому способу отношенія къ историческимъ фактамъ. Авторъ ни на мигъ не забываетъ, что онъ имѣетъ дѣло съ историческимъ источникомъ, а не съ фактомъ, что онъ изслѣдуетъ лѣтописное преданіе, а не событіе. Поэтому, всё его заключенія и наблюденія получаютъ видъ критико-литературныхъ выводовъ, имѣющихъ предметомъ оцѣнку памятника. Между тѣмъ, острота наблюденія и сила критической мысли автора таковы, что достигнутый имъ результатъ, освѣщая изучаемый памятникъ, освѣщаетъ и его историческое содержаніе, бросая новый свѣтъ на событія и лица эпохи. Оцѣнка „Корсунской легенды“, оставаясь въ сферѣ изученія литературныхъ преданій, безповоротно устраняетъ изъ области историческаго изученія рядъ фактовъ, недостоверность которыхъ становится несомнительною послѣ анализа автора. Сопоставленіе редакцій „сказанія о призваніи варяговъ“ возводитъ насъ къ первоначальному виду этого сказанія и знакомитъ съ позднѣйшими его обработками, а въ результатѣ разрывается вѣковая связь между именами „руси“ и „варяговъ“, уничтожить которую не могли доселѣ домыслы историковъ. Но обогащая такимъ образомъ новыми данными историческую науку, А. А. Шахматовъ не спѣшилъ самъ дѣлать историческіе выводы и обобщенія: онъ останавливался тамъ, гдѣ кончалась его критико-литературная работа. Далѣе его шли менѣе выдержанные въ своихъ критическихъ приѣмахъ ученики и послѣдователи. Самъ же онъ только въ послѣдніе годы жизни, какъ мы сказали, рискнулъ выйти на поприще историческихъ гипотезъ, использовавъ съ необыкновеннымъ блескомъ накопленное имъ ученое богатство.

Вторая тема А. А. Шахматова—начало и развитіе лѣтописнаго дѣла на Руси—занимала его съ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Въ изслѣдованіи лѣтописныхъ текстовъ онъ, какъ и во всемъ прочемъ, пошелъ своимъ особымъ, самостоятельнымъ путемъ. Во-первыхъ, онъ рѣшительно уклонился отъ стараго приѣма—пользоваться только печатнымъ текстомъ лѣтописей—и обратился непосредственно къ рукописямъ. Никто не зналъ такъ, какъ зналъ онъ, и въ такомъ количествѣ, въ какомъ зналъ онъ, лѣтописные списки. Во-вторыхъ, онъ отказался отъ прежняго, установленнаго